

О. В. Чагина*

**ИСТОРИЯ, ЗАПЕЧАТЛЕННАЯ В СЛОВЕ
(ЗАТЕКСТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В «ЛЕТЕ ГОСПОДНЕМ» И. С. ШМЕЛЕВА)**

В статье показан московский мир, запечатленный в повести И. С. Шмелева; объясняется большой объем затекстной информации, хранящейся здесь и важной для объяснения в иностранной аудитории. Повесть рассказывает о происхождении названий московских улиц; о храмах, их названиях, сыгравших важную роль в истории Москвы. Дается описание еды как части национальной культуры, купеческого быта Замоскворечья. Рассказывается об искусстве наиболее известных московских кондитеров, о продолжении традиций отечественного кондитерского искусства в наши дни.

Ключевые слова: Замоскворечье, традиции, обычаи, храмы, улицы, еда.

Olga V. Chagina

THE STORY CAPTURED IN THE WORD

(BEHIND-TEXT INFORMATION IN «LETO GOSPODNE» BY I. SHMELEV)

The article shows the Moscow world fended in the narrative by I. Shmeljov; explains the large amount of an endnote information which is keeping here and appears to be important for explanation in a foreign auditory. It tells of the origins of the names of Moscow streets. A great attention is spared to the churches, their names which had played a significant role in the history of Moscow. It is given the description of the merchant mode of life in Zamoskvorechye and food as a part of the national culture. It is narrated in the article of the skill of the most famous Moscow confectioners, of continuation of the traditions of the national confectionery art in our days.

Keywords: Zamoskvorechye, traditions, customs, churches, streets, food.

Вот уже много лет мы с иностранными студентами совершаем прогулки по старой Москве. Однажды, гуляя по Замоскворечью (это было весной

* Чагина Ольга Всеволодовна — кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); aichagin@mail.ru

2000 года), мы увидели в Лаврушинском переулке только что установленный памятник — скульптурный портрет И. С. Шмелева. Этот бюст работы французского скульптора Лидии Лузановской был создан при жизни писателя в Париже и передан в Москву по случаю перенесения праха писателя из Сент-Женевьев де Буа на кладбище Донского монастыря.

Необычность портрета не оставила студентов равнодушными. Посыпались вопросы: кто это? где он жил? почему памятник установлен в этом месте? Именно тогда у меня возникло желание познакомить своих учеников с удивительной книгой Шмелева «Лето Господне».

К осуществлению этого замысла я приступила не без колебаний. Смущали различия в восприятии мира молодыми людьми, воспитанными в разных культурно-исторических и религиозных традициях.

Сомнения рассеялись, когда мы приступили к чтению повести «Лето Господне».

Книга эта — произведение автобиографическое. Шмелев, родившийся в Москве в патриархальной купеческой семье и окончивший свои дни в Париже, в разлуке с родиной, томился тоской по «потерянному раю». Здесь, в Париже, он написал книгу о России, какой она сохранилась в его сердце.

«Лето Господне» часто называют «энциклопедией Замоскворечья». Вся жизнь его обитателей сохраняла православные традиции и устои; ритм жизни определял православный месяцеслов.

Старый Горкин, друг и наставник героя повести, рассказывает ребенку о старомосковских традициях, водит его по подмосковным храмам, объясняет особенности богослужения в знаменательные дни.

Почему это важно для изучающих русский язык? Представляется справедливым утверждение Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о том, что если в недавнем прошлом из учебного материала изгонялся пласт лексики, имеющий хоть в какой-то мере религиозную окраску, то сегодня пришло время возродить эти слова и понятия, поскольку это «выражение не только религиозной нравственности, но и национального мироощущения [2, с. 223].

Повесть изобилует словами с национально-культурной семантикой. Это названия внеязыковых явлений, они требуют особого комментария. Его называют реальным, историко-литературным, бытовым, социальным. В изданиях шмелевской повести это, например, комментарии К. Любимовой [5], Е. Осьминой [6] и др.

В практике преподавания русского языка как иностранного сложился особый тип комментария — лингвострановедческий, основанный на сочетании в преподавании страноведческого материала и филологической методики [2, с. 135].

В описании праздника Донской иконы Божией Матери в «Лете Господнем» перечисляются названия церквей, участвующих в Крестном ходе. Они воссоздают атмосферу тех времен, когда эти храмы возникали и дали названия многим московским улицам. А топонимы — это тот культурно-исторический фон, в котором живет память былых времен. Замечательно сказал об этом Д. С. Лихачев в одной из бесед с телезрителями: «Насколько легче — причем физически легче! — идти по улице, когда ты знаешь, кто здесь жил, какие события здесь происходили». Вспомним некоторые из этих названий.

Прежде всего, о самом празднике Донской иконы Божией матери. Это действительно живая история — напоминание об избавлении Москвы от нашествия войск хана Казы-Гирея. Один из героев повести рассказывает: «Сергий Преподобный дал князю Дмитрию Донскому икону Богородицы и сказал: «Иди, и одолеешь татар-орду». И вот та самая икона и есть Донская, Вот потому и празднуем». Здесь, на месте, где русские воины вышли навстречу татарской орде, был позднее основан Донской мужской монастырь. Отсюда и название одной из московских улиц — Донская.

Идет Крестный ход, плывут хоругви, и названия их напоминают о прошлом...

«*Иоаким и Анна*» — имена этих святых, родителей Пресвятой Богородицы, носит храм в Кадашеве. Церковное имя *Иоаким* звучало в просторечии как *Яким*, поэтому в народе стали называть этот храм *Якима-Анны*. Так возникло и название улицы — *Якиманка*. В 1970 г. этот храм был снесен, а храмовая икона перенесена в церковь Ивана Воина на той же улице.

Вот проплывает хоругвь от «*Флора и Лавра*», покровителей лошадей. Храм, названный по имени этих святых, стоит на Шаболовке, в бывшем *Конном переулке*, где был когда-то Конный рынок.

А вот и «*Спас в Наливках*». Сегодняшние *Спасоналивковские переулки* унаследовали свое название от церкви Спаса Преображения, «что в Наливках». Само название «*Наливки*», по одной из версий, пошло от того, что здесь находилась стрелецкая слобода, где был знаменитый кабак — здесь стрельцам «наливали» в любое время суток, в то время как продажа спиртного в те далекие времена была законом ограничена [9, с. 55].

Названия церквей Михаила Архангела в Овчинниках, Воскресения в Кадашах, Николы в Толмачах, Воскресения Словущего в Монетчиках, Николы в Кузнецях отразили жизненный уклад обитателей этих мест — овчинников, кадашей, толмачей, монетчиков, кузнецов. Отсюда — и современная топонимика этой части Замоскворечья: *Овчинниковская и Кадашевская набережные, Толмачевский переулок, Монетчиковские переулки, Новокузнецкая улица, Кузнецкие переулки*.

В названиях некоторых московских церквей сохранилась память об особенностях места, где храм был воздвигнут. Скажем, церковь Георгия Победоносца, «что в Яндове», восходит к вышедшему ныне из употребления, но сохранившемуся в диалектах слову «яндова», или «ендова», означавшее «овраг». В Древней Руси у него было и иное значение — так называли посуду для питья округлой формы [9, с. 25]. Церковь, упоминаемая в повести Шмелева, находится у Москвы-реки в районе Балчуга.

«*Никола Голутвинский*» — название этого храма сохранилось в современном топониме *Голутвинские переулки*, где оживает память о давно вышедшем из употребления слове «*голутва*», т. е. «просека, вырубка в лесу [9, с. 76].

Многие страницы повести посвящены описаниям еды. Среди традиционных русских блюд — *щи, уха, ботвинья, калья, окрошка, тельное, похлебка, кисель, заливное, студень*. Особую группу составляют «хлебные» слова: *баранки, сушки, калачи, блины, ватрушки, кулебяки, расстегаи*. За каждым из них — своя история, и они требуют объяснения в иностранной аудитории.

Взять, например, расстегай. Знаменитые гаранькинские расстегай славились на всю Москву, им в повести отведено несколько страниц. Интересна история этого слова. В словаре В. И. Даля оно имеет два значения. Первое — открытый, распашной сарафан; второе — пирог с открытым верхом [4]. М. И. Пыляев в книге «Старая Москва» рассказывает о том, как возникло это слово [7]. Был в Москве цыганский хор, в котором пела любимица публики Стеша. Когда она исполняла песню «Сарафанчик-расстеганчик...» с несколько фривольным подтекстом, ее сарафанчик в определенный момент расстегивался, что приводило публику в восторг. Хозяйину ресторана пришла в голову мысль — подавать во время исполнения песни пирог с раскрытым, «расстегнутым» верхом. Идея имела успех. Так в русской кухне появился новый вид пирога, а в русском языке — новое слово. И если у В. И. Даля в толковании этого слова на первом месте стоит расстегнутый сарафан, а только потом — тип пирога, то ныне, в «Словаре современного русского литературного языка» слово «расстегай» определяется прежде всего как тип пирога, и лишь затем — как вид сарафана [8].

Из напитков упоминаются *квас, сбитень, меды, пиво, водка, рябиновка, черносмородиновка*; а из иностранных вин — шампанское от Клико, вино от Депре-Леви. И, хотя не всем гостям были по вкусу новомодные вина («Протодьякон «депры» не любит, голос с нее садится») — богатые купцы, устраивая торжественные обеды, непременно заказывали марки модных тогда вин от Депре.

По поводу «вин от Депры» могли случаться и казусы. Об одном из них пишет блестящий знаток старой Москвы В. Гиляровский: «Были у водочника Петра Смирнова два приказчика — Карзин и Богатырев. Отошли от него и открыли свой винный погреб /.../, стали разливать свои вина, — конечно, мерзость. Вина эти не шли». И вот, когда фирма уже начала прогорать, к ним пришел некий оборванец и предложил проект, показав хозяевам и свой паспорт. Владельцы предприятия пришли в восторг, ибо в паспорте значилось: *мещанин Цезарь Депре...*

«Портвейн 211-й и 113-й... Коньяк 185... Коньяк «финьшампань» 195... и розовый, и черный, и белый... Точно скопировано у Депре... Ну, кто будет глядываться, что Ц. Депре, а не К. Депре, кто разберет, что у К. Депре орел на ярлыке, а у Ц. Депре ворона без короны, сразу и не разглядишь...

И вот на балах и свадьбах и на поминовенных обедах, где народ был «серый», шли вина с вороной...» [3, с. 222].

Разумеется, в замоскворецком доме героя повести к столу подавалось все самое дорогое и лучшее.

С особым удовольствием герой рассказывает о сладостях, с которыми у мальчика связаны приятные воспоминания. В день именин отца на праздничный стол подавались пироги, куличи, торты, необыкновенно красивые пирожные, роскошные наборы шоколадных конфет. То и дело в рассказе упоминаются имена владельцев фабрик, на которых изготавливались настоящие шедевры кондитерского искусства — Эйнем, Сиу, Абрикосов С-ья. Вот гости восторженно ахают при виде привезенного с Кавказа громадного арбуза, который с трудом подносят к столу трое официантов. «Все так и за-

гляделись. Темные на нем полосы, наполовину взрезан, алый-алый, сахарно-сочно-крупчатый, светится матово слезой снежистой, будто иней это на нем, мелкие черные костянки в гнездах малинового мяса... и столь душистый, — так все и услышали: свежим арбузом пахнет, влажной, прохладной свежестью... Кто и не хотел, а захотели». И лишь попробовав, гости поняли, что попались: «арбуз» оказался «марципаном» от Абрикосова С-ья.

Традиции отечественного кондитерского искусства не угасают.

Здания фабрик, которые называет Шмелев, сохранились. В Москве, на Красносельской улице, находится самый «шоколадный» архитектурный памятник столицы. Это знаменитый дом купцов Абрикосовых. Изображение этого здания украшает обертки любимых с детства конфет и шоколадок Бабаевской фабрики. При этой фабрике уже не один год работает Музей шоколада. Семья замечательных тружеников Абрикосовых, выходцев из крепостных крестьян, дала России ряд выдающихся людей, среди которых крупный ученый-патологоанатом, академик, Герой Социалистического Труда А. И. Абрикосов, а также известный советский актер, знакомый зрителям по многим фильмам и по ролям, сыгранным на сцене театра им. Е. Б. Вахтангова, народный артист СССР А. Л. Абрикосов.

В Замоскворечье, на Берсеневской набережной, стоят корпуса кондитерской фабрики, основанной Фердинандом Теодором фон Эйнемом. Кто из нас не любит конфеты «Мишка косолапый», где на обертке — репродукция картины И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу». Эти конфеты — своего рода фирменный знак фабрики Эйнема, переименованной впоследствии в фабрику «Красный Октябрь». Вот уже более ста лет они сохраняются в ассортименте предприятия. Шоколадные наборы этой фабрики поражали своей роскошью. Коробки, в которые упаковывали конфеты, отделялись кожей, шелком, бархатом. Над дизайном упаковки работали такие художники, как Врубель, Билибин, Бакст, Бенуа.

Топография Москвы связана с самыми сладкими — в прямом смысле этого слова — воспоминаниями. Вот Берсеневская набережная — она связана с именем Фердинанда Теодора фон Эйнема, основавшего здесь кондитерскую фабрику. Фабрику Эйнема нынешние любители сладкого знают под новым ее названием — «Красный Октябрь». Именно здесь были созданы любимые всеми, ставшие визитной карточкой фабрики, конфеты «Мишка косолапый», в знакомой каждому обертке с репродукцией картины И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу».

На Ленинградском проспекте находится фабрика «Большевик». До революции она принадлежала братьям Сиу. Здесь изготавливают вкуснейшие бисквиты, суфле, пряники, пастилу, пирожные, вафли. А знаменитое печенье «Юбилейное», созданное по случаю празднования 300-летия дома Романовых, стало визитной карточкой этой фабрики.

Дизайн упаковки кондитерских изделий этих фабрик разрабатывался не только с учетом эстетического восприятия, но включал и просветительскую задачу. Часто в коробки со сладостями вкладывали открытки, посвященные определенной теме. У Абрикосова это были, например, открытки с изображениями животных; в Торговом Доме братьев Сиу — вкладыши с рисунками

на разные темы: для детей — из серии «Азбука», «География», «История», для взрослых — «Пушкин», «Русский романс», «Кабинетный портрет». У Эйнема покупателям дарили ноты на музыкально-кондитерскую тему — «Шоколадный вальс», «Кекс-галоп», «Вальс монпансье». Отрадно отметить, что эта традиция постепенно возрождается. Автору этих строк довелось однажды получить в подарок шоколадный набор фабрики «Красный Октябрь». В коробку с конфетами была вложена открытка, посвященная пионерам русского воздухоплавания.

Сегодня, конечно, мы не можем узнать вкус всех сортов конфет и печенья, изготовленных на этих фабриках 150 лет назад, но увидеть, как они выглядели, можно, посетив виртуальную выставку «Царский мармелад: рассматриваем старинную рекламу сладостей».

Порой даже незначительная деталь в повести может стать источником ценной этнографической информации. Помнится, как-то один иностранный стажер, занимающийся лингвистикой цвета, спросил меня, что такое «цвет сахарной бумаги». Я посоветовала ему обратиться к главам «Ледоколье» и «Именины». При расчете с работниками, коловшими лед, Василь Василич достает из-за голенища сапога пакет «из сахарной бумаги <...>, синей», и выдает из него деньги. А в главе «Именины» сообщается, что «две головы сахару-рафинаду накололи для народу». Казалось бы, это излишняя подробность, — но она становится понятной, если учесть, что сахар-рафинад в то время был совсем другим, нежели сегодня. Это были не аккуратно распиленные квадратики из прессованного сахарного песка, а целые «головы» литого сахара необычайной крепости. Весили они от двух до пяти килограммов, и порой их было даже трудно поднять на стол. Расколоть такую голову было делом непростым. Сахар подавали на стол уже расколотым, а потом эти куски специальными щипчиками разделялись на более мелкие кусочки. С ними-то и пили чай — внакладку или вприкуску.

Сахарную голову оборачивали на три четверти в синюю бумагу. «Цвет сахарной бумаги» — под таким названием он вошел в «Каталог названий цвета», составленный А. П. Василевичем [1, с. 172]. В далеком детстве родители водили нас во МХАТ на спектакль «Синяя птица», где Сахар выходил на сцену в синей бумаге. По рассказам очевидцев, в последний раз сахарные головы в синей бумаге были выпущены в Советском Союзе в 1967 году, в пятидесятилетний юбилей Октябрьской революции.

В «Лете Господнем» есть и другие переключки с днем сегодняшним. Среди известных людей, посещавших дом отца, как рассказывает писатель, были «Крестовниковы — мыльники». Стоит вспомнить в связи с этим известную картину Кустодиева «Русская Венера», где в интерьере бани перед прекрасной обнаженной девушкой лежит большой кусок «радужного» мыла в переливающейся пене. Его изготавливали на заводе братьев Крестовниковых. Сегодня же в наших магазинах можно купить один из сортов этого мыла — «Натуральное мыло «Детское»». А на обертке сохранен старый логотип: «Заводъ братьевъ Крестовниковыхъ» и добавлено: «Традиции чистоты и качества с 1855 года».

Как видим, такое медленное, пошаговое прочтение повести И. С. Шмелева помогает приобщить читателя к познанию России, почувствовать ее национальное своеобразие, проникнуться ее духом. И, «хотя предлагаемая методика явля-

ется филологической (в ней внимание концентрируется на слове, на затекстной информации, на комментариях) — но отнюдь не одни студенты-филологи способны к зрелому чтению художественной литературы. Художественные произведения создаются для всех людей, независимо от их профессии» [2, с. 236]. Поэтому такая методика прочтения произведений способна с успехом применяться в самых разных аудиториях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: URSS, 2008. 216 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М.: Правда, 1979. 448 с.
4. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М., 1955.
5. Любимова К. Примечания // Шмелев И. С. Избранное. М.: Правда, 1989. 686 с.
6. Осьминина Е. Радости и скорби Ивана Шмелева // Иван Шмелев. «Лето Господне». СПб.: «Азбука», 2012. 480 с.
7. Пыляев М. И. Старая Москва. М.: Абрис Олма, 2018 256 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. М.; Л.: АН СССР, 1955.
9. Смолицкая Г. Л. Названия московских улиц. М.: ИД «Муравей», 1997. 239 с.
10. Чагина О. В. Культурологический аспект описания еды в иностранной аудитории // Слово. Грамматика. Речь. Сб. № 19. М.: Макс-Пресс, 2018. С. 126–134.
11. Чагина О. В. Московский мир Ивана Шмелева (Лингвокультурологический очерк) // Русская словесность. 2023. № 1. С. 71–77.
12. Шмелев И. С. Избранное. М.: Правда, 1989. 686 с.